

Андрей РУДАЛЕВ

ИЗГНАНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Выстраивание иерархий

В начале нулевых петрозаводский журнал «Север» напечатал мой текст «Усталость от звуков». У него было черновое название «Смерть читателя». Я тогда еще только заходил в пространство современной отечественной литературы, и первое, что мне бросилось в глаза, — это феномен стимула к чтению. Отчего книги современных российских литераторов слабо востребованы? Почему читатель с большой опаской ведет себя на этой территории, будто на минном поле, и чуть что — бежит к надежным проверенным авторам прошлого?

Можно найти массу объяснений такому поведению потребителя печатного слова. Может быть, дело в недоверии к новому, ведь книга должна быть проверена временем. Или потому, что в перестройку прошел вал ранее закрытой переводной и так называемой возвращенной литературы. Он отодвинул на второй план книги современников, и эта инерция, привычка воспринимать тексты современников как что-то второсортное, долгое время сохранялась. Либо после затяжной череды катастрофических процессов в стране людям, только переведшим дыхание, было не до серьезной литературы. Да и что она могла им сказать? Или могла, но не сумела?

Отчуждение читателя от современной отечественной литературы было очевидно, и как реквием звучал приговор: «Не читают!» Возникло устойчивое ощущение, что основные проблемы невостребованности книг заключены в самом литературном процессе. В том, что он потерял направленность на читателя, что налицо прогрессирующая тенденция отстранения автора от реальной действительности. Зачастую за брезгливым отношением к ней не принятый читателем «пастырь человеческих душ» скрывает страх и растерянность.

В вышеупомянутой статье я писал: «Современную литературу не читают, потому что не знают ее, а не знают, потому как она не заявляет о себе, уткнувшись головой в песок. Сама современная литература своей близорукостью, отсутствием внимания, заботы по отношению к читателю виновата в том, что ее не читают (разве что только специалисты и близкие автору люди). Литература, не направленная на читателя, грозит замкнуться в себе. Подобное не означает другого перекоса: пропаганды обязательного следования спросу, конъюнктуре, рынку».

В том давнем тексте также отмечалось: «Сейчас куда ни кинь взгляд — преобладает сплошная автокоммуникация или другая крайность: образ читателя подменяется образом потребителя. Читатель все чаще воспринимается не иначе как потребитель, но вовсе никак не собеседник. Отсюда чувство ответственности писателя перед читателем попросту деформируется и оценивается лишь по шкале товарно-денежных отношений. Взять хотя бы заявление Виктора Пелевина: “Я писатель. Я ни перед кем не ответственен”».

Отсутствие направленности на читателя ставит под вопрос само функционирование художественного произведения. Оно не преодолевает рамки, остается в пределах письменного стола, фантазии автора и узкого круга реципиентов. Размещенный на некоем сайте текст представляет собой ловушку для случайного читателя. Он не продуцирует себя вовне, т. е. попросту не функционирует.

Возникает и проблема коммуникации. Текст, как диалог автора с миром, воспринимается монологом, обращенным к самому себе, созданным исключительно для самого себя, т. е. происходит потеря коммуникации, которая перерастает в автокоммуникацию. Это хорошо иллюстрирует общая тенденция сокращения тиражей книг и увеличение количества их наименований. На издательском рынке предложение заметно превышает спрос».

Надо отметить важный момент, касающийся книгоиздательского бизнеса. Тогда он еще не был таким монопольным, как сейчас. Книжки наших современников только начали появляться и с большим трудом пробивали себе дорогу. На первых порах этому способствовали премии «Нацбест» и «Русский Букер». Издательскому бизнесу нужен был хороший спрос, гарантированный доход, а с новой книгой всегда масса неизвестных.

За прошедшую пару десятилетий многое изменилось. Отечественные книжные новинки адаптировались к условиям рынка. Акцент переместился с больших тиражей на ассортимент предложений на любой вкус, на культ новинки. Этому послужил и особый премиальный календарь, и писательский конвейер в стиле Виктора Пелевина — обязанность выдавать по книге в определенный период, чтобы не проскочить мимо заманчивых списков премий и быть на плаву.

Однако уже в нулевых возникало ощущение сознательной стратегии по выдавливанию читателя. Оно рождалось изменением формата его коммуникации с художественным текстом. Вместо массового читателя, как это было в Советском Союзе, ставка делалась на сегментированного, на особую форму градации и читательской иерархии от профана до посвященного.

Активно обсуждалась мысль о дифференциации современной культуры, наличия в ней массы субкультур. Это же касалось и литературы. Такие деструктивные процессы служили размежеванию и ограничению круга читателей, делению их по возрастному, профессиональному, половому, социальному и другим признакам.

С одной стороны, издатели проводили изучение читательского спроса. Например, исследовали, чем зачитываются домохозяйки и незамужние дамы, чтобы приготовить универсальный эликсир и формулу успеха для этой аудитории. С другой стороны, влияла идеология иерархического читателя, когда для массовой аудитории выдается ширпотреб, а для

элитарной — «настоящая», «большая» литература. Автор последней стремился коммуницировать с изысканным и особым читателем, таким же, как и он, творческим, чтобы говорить с ним на одном языке, а не со всякими там Скамейкиными, чтобы избежать «порчи» своего послания. В данном контексте вспоминается высказывание из романа «Новый сладостный стиль» Василия Аксенова: «...я действительно делю читателей на творческих и “других”, всяких там Скамейкиных, и этого творческого читателя, а не Скамейкина считаю истинным соавтором книги. Серьезно говоря, каждый акт чтения творит новую версию книги; это как в джазе. И Боже нас упаси от машинного “скамейкинского” чтения, что перемелет и филе-миньоны в шведские биточки...»

Элитарная публика не может быть многочисленной, она должна получать штучный товар, а не тиражи, чтобы обозначить свою статусность.

В этой связи вспоминаются реплики итальянца Спада из романа Всеволода Кочетова, опубликованного в 1969 году, который заявляет, что в Советском Союзе превалируют «самые примитивные, самые неразвитые читатели», которых там «двести с лишком миллионов», и то, что пишут для такого читателя, не литература, а «что-то для простонародья».

Вот и вся разница восприятия издателями советского и постсоветского читателя: ставка на демократизацию и максимальный охват аудитории в стиле известного изречения из некрасовской поэмы сменилась иерархичностью и дифференциацией.

После водораздела

Вспомнить обо всех этих рассуждениях заставили дискуссии, возникшие после рубежной для современной отечественной истории и культуры даты — 24 февраля 2022 года.

Все началось с того, что ряд голосов литературных распорядителей начал утверждать, что, например, «поэзия русской победы», или «донбасская» поэзия, никому не нужна. Что на всех публичных выступлениях ее будет ждать «пустыня», а тиражи уйдут в утиль. Традиционные «фи» и «фу». Таких поэтов заклеили самозванцами, назвали «Z-поэтами». Стали говорить об эксплуатации темы и стараниях «вписаться в повесточку». Традиционно били глубиной качества, безапелляционно заявляя, что это низкий пошиб, ориентированный на невзыскательную публику.

Свой вердикт вынесла и бывший всероссийский литературный критик, ныне иноагент Галина Юзефович, в поле зрения которой попала поэтическая антология «Воскресшие на Третьей мировой». Тексты, включенные в нее, она, судя по всему, не читала, но осудила. Быстро поставила диагноз, что с базара такое никто не понесет. Когда же оказалось, что и залы площадок поэтических выступлений переполнены читателями, и тираж раскупается даже по предзаказу, позиция так же споро изменилась. Мол, в популярности антологии «донбасской» поэзии виноваты пиар, SMM (продвижение в соцсетях), а также фан-клуб Захара Прилепина, который готов ухватиться за все, что порекомендует кумир. По ее убеждению, все это не поэзия, а то, что выдается за нее. Ибо экзальтированная публика готова «хавать»

все, что ей «впарят», потому как настоящую поэзию читать не умеет. Понимается, что сама Юзефович работает с публикой совершенно иного качества.

В это же время, рассуждая о поэзии Серебряного века, иноагент Дмитрий Быков писал: «Почему российская поэзия стала эстрадной? Тому было много причин. Во-первых, все серьезные читатели русской поэзии уехали или умерли. Во-вторых, выход всего на эстраду — вообще естественная вещь». Понятно, что свою логику он подкрепляет отсылкой к российской современности, где якобы с «серьезным читателем» большие проблемы по схожим причинам. Остаются только невзыскательные читатели, и эта несерьезная масса будет «хавать» что дают.

Дальше — больше. К «серьезным» читателям Юзефович относит прежде всего «средний класс», который усиленно взращивался в постсоветский период, и «новых русских». Они впитали дух западных гуманистических ценностей и ориентированы на свет демократических истин. Сейчас они понесли тяжкое поражение, растеряв нажитое непосильным трудом. Но в первую очередь проиграла отечественная культура, ведь лишь подобные деятели создавали в стране что-то стоящее. Все прочие на подобное не способны. Логика рассуждений примерно такова.

Отвечая Юзефович, Захар Прилепин назвал подобную цепочку рассуждений «барским буржуазным расизмом». Наш «барин» мыслит так: «Смотри-ка ты, сиволапые. Стишки пошли слушать. Им наврали, остолопам, а они и поверили. Нет там никакой поэзии, пакость одна и зверство. С горем только мы, только мы, только мы чувствуем солидарность».

При этом Прилепин резюмирует: «Русские люди умеют и читать и писать. Современная русская военная поэзия уже стала частью большой русской литературы. Ваши стенания пойдут в качестве примечаний к этому объективному феномену».

К дискуссии в Telegram эмоционально подключился писатель и поэт Александр Пелевин: «Эти люди десятилетиями (!) отвечали за русскую литературу. Определяли, кто хороший писатель, а кто нет. Кто достоин войти в круг, а кто нет. Что читать народу, а что нет. Теперь оказалось, что народ у нас быдло и читать не умеет. Для кого вы тогда работали? Для себя? Для голландского штурвала столичной литературной тусовочки? Как видно по этому дикому социальному расизму — уж точно не для читателя».

По мнению Пелевина, востребованность поэзии русской победы показала реальное положение дел: «Ну вот теперь пришел реальный читатель и расставил все на свои места. А заодно и увидел, как на самом деле к нему относились “властители дум”. Можете продолжать отрицать очевидное».

Надо сказать, что этот феномен, расставивший все на свои места, создаст большую проблему для устоявшейся литературной номенклатуры, которая годами силится подверстать словесность под свои циркуляры и догмы. Например, критик Владимир Козлов именует такую поэзию «ангажированной». Противоположная ей, видимо, является поэзией искренности и свободы. Любопытно, что критик не устает сокрушаться о том, что читателей современной поэзии можно заносить в Красную книгу. Но как только появились свидетельства, что ситуация не злокачественная и вполне обратима,

а читатель ждет и готов воспринимать поэзию, критик с особой страстью набрасывается на авторов. Он стремится выставить их выскочками, чтобы доказать, что поэзии там и рядом не стояло и это лишь «что-то для простонародья».

Развернувшаяся полемика обнажила реальную подоплеку. Современная литературная тусовка — номенклатура, годами служившая так называемому чистому искусству. Она пыталась создать «настоящую», а не «ангажированную» (которая для темных масс) беллетристику, переводя ту же поэзию в особое безвоздушное пространство. При этом отношение к читателю у нее скорее нецензурное. Читатель реально выталкивается, или ему преподносится нечто «эстрадное», вроде поэтессы, актрисы и певицы Веры Полозковой.

После 24 февраля отечественное литературное сообщество категорически раскололось на два противоположных лагеря. В одном оказалась самозамкнутая тусовка. В другом — авторы, ориентированные на широкого читателя, народ, солидарные с ним.

По этому поводу замечательно высказался поэт Игорь Караулов: «Главное же для поэта — не “поддержать войну” или “поддержать Путина”, как нас уверяет Г. Юзефович. Главное, определяющее: можешь ли ты сделать шаг вперед, к людям? Кто для тебя свои — твой народ или “поэтическая тусовка”, “поэтическое сообщество”? Что для тебя важнее — солидарность с людьми твоей страны или “служение чистому искусству”? Выбор тусовки, выбор “чистой поэзии” автоматически приводит человека в ряды врагов и всяческих гнид».

Также он отметил, что «из живых поэтов конкуренцию пророссийским авторам может составить только Полозкова. Вот тут, да, удалось раскрутить прочно и надолго. Остальных же просто нет. Никаких обладателей громких премий, никаких живых классиков. Их то ли не издают, то ли издают, но не читают». То есть многое из того, что в последние десятилетия выдавалось за поэзию, не прошло проверку читателем. И это совершенно закономерно. По большому счету читатель такой поэзии не нужен.

Достаточно любопытно по поводу высказываний Галины Юзефович прошелся в соцсетях критик Сергей Морозов. Ее подход он назвал «теорией впаривания». В нем читатель низводится до положения стада баранов, которое движется по воле пастуха. Посему книги расходятся не потому, что «свет узнал и раскупил» (это формула свободного интереса), а потому что так называемая «когорта читателей» — часть населения наиболее слабовольная и внушаемая. Книги расходятся не по той причине, что к ним тянутся, а так как их навязывают. Из этого выходит, что «литература, таким образом, сфера полной несвободы и абсолютного отчуждения и только в таком виде способна функционировать». Именно поэтому, считает Морозов, «литература нынче мало кого интересует. Читатель безнадежно потерян». Однако в реальности целевая аудитория игнорирует часть авторов в силу их непрофессионализма и нарочитого снобизма по отношению к ней. Многие отечественные «пастыри душ человеческих» не в силах справиться с большой читательской аудиторией. Проверку на «читабельность» они едва ли пройдут.

Литературная территория в последнее время конструировалась у нас как «сфера полной несвободы и абсолютного отчуждения». Доминировавшие литературные тенденции ориентировались на вакуум, пустоту и диктат. На изгнание читателя и отчуждение от него литературы.

Причин здесь масса, включая стремление к формированию понятия «народ», отличного от большинства. Дескать, народ суть локальные островки цивилизованного меньшинства, считывающего лучи света тайного элитарного знания. Прочие же и читать не умеют.

Подобной стратегией часть авторов защищается от читателя, который, по словам Юрия Лотмана, «вносит в текст свою личность, свою культурную память, коды и ассоциации. А они никогда не идентичны авторским». Писательская задача упомянутой части литераторов состояла в ином: в попытке навязать читателю собственную точку зрения, внедрить в его мозг свое мировосприятие, свою систему ценностей. А для этого необходима ограниченная локальная аудитория, «плывущая» с ними на одной волне.

Помимо подобной идеологемы, среди сочинителей можно обнаружить линию рассуждений, доказывающую, что у настоящей литературы не может быть много читателей.

К примеру, писатель Александр Мелихов рассуждает в «Фейсбуке»: «У меня есть давнее подозрение, что людей, способных воспринимать серьезную литературу, примерно такой же процент, как людей с приличными математическими способностями. Т.е. 3—4 % — пусть каждый вспомнит своих одноклассников. Это очень много, это небольшая европейская страна. И нужно думать об организации именно этого меньшинства. Я бы назвал его аристократическим, если бы это слово так не раздражало». Чего уж скрывать — отношение литературной аристократии к холопам барское...

Как будто писатель — истина в последней инстанции и пишет только для себя. Он лучше знает, о чем писать. Если «нетленки» не читают, проблема в читателях, которые не способны воспринять свет его истин. Поэтому следует не расстраиваться по поводу 3—4 читающих процентов и принять игнорирование как должное. При этом совершенно не берется в расчет, что многие годы делалось все, чтобы отвести читателя от книги. Создавались все условия для торжества графомании — цензура сменилась идеологическим и коммерческим диктатом. Тогда как роль критики свелась к самодеятельности. Главный критик тот, кто способен влиять на продажи...

Можно возразить, что в канувшем в Лету Советском Союзе много читали. Активных читателей было на порядки больше, чем 3—4 %. Уверен, у «элитарных» беллетристов на это найдутся готовые ответы. Ведь в те темные тоталитарные времена не было настоящей литературы, лишь чтиво для простонародья...

«Мы — не рабы, рабы — не мы»

«В СССР книг как таковых не было. То есть они выходили, что-то издавали, но “книги”, которые хотелось купить, не существовали», — проповедовала в «Фейсбуке» литературовед Наталья Громова в далеком 2015 году. Очень удобный тезис, через него можно и читателя свести к нулю. Если книг

не было, а то, что было, чем-то стоящим считать нельзя, то о каком читателе можно говорить, о какой самой читающей в мире стране? Так же легко доказывается, что массовый читатель — пропагандистская иллюзия, а литература доступна лишь одухотворенной аристократии, на которую она и должна ориентироваться.

Последние десятилетия нам настойчиво вдалбливали, что литературоцентричность советского общества, мягко говоря, неправда. Что литература в СССР ничего из себя не представляла, будучи обусловлена конъюнктурой и «партийностью в искусстве». Поэтому советские писатели были не летописцами эпохи, а подельниками преступного режима. Так, якобы всем известно, что Михаил Шолохов не писал небезызвестный «Тихий Дон». Это априори ясно всем приличным людям, а с неприличными о чем разговаривать?

За минувшие 30 лет новые книжники и фарисеи стали крайними догматиками, грешащими абсолютизацией своей картины мира и полным неприятием чужой. Однако любой взгляд на мир с позиций догмы ведет к его расколу, разделению на «мы — они», «свои — чужие». С этой точки зрения мы — свет знания, который мы ревностно стережем. Тогда как «они» — это греховная периферия, темень невежества и дикости. Так и никак иначе.

Поэтому знанием и видением прекрасного обладает только узкий круг посвященных мистагогов. А если простой мужик в массе своей понес Белинского и Гоголя с базара, так его как бы не существует. Дремучая периферия, что с него взять?.. Если тот же мужик вдруг написал «Тихий Дон», следует сделать все, чтобы отнять у него авторство. Ибо это нарушает привычно-железобетонную картину мира. Мистагогов больше интересует монополия на книгу, к ней они никого не собираются допускать.

Таким образом, адепты «элитарности» литературы претендуют на тотальную монополию в культуре, на базис для создания своего четко черно-белого виртуального мира. Именно такие процессы доминировали в отечественной литературе в последнее время по мере погружения в культурологические топи.

Как-то в интервью писатель Павел Басинский отметил, что человек, не читающий книги, — низшая каста. Примечательно, что в советские годы это кастовое деление было преодолено. Среди обывателей встречались люди, в руках не державшие книг, но такая позиция воспринималась крайне маргинальной. Сейчас же достаточно сослаться на занятость либо ни на что не ссылаться, а просто парировать вопросом «Зачем?». Самое ужасное, что люди не просто охладели к чтению. Им много лет подспудно внушалось это равнодушие, дабы зафиксировать их в положении низшей касты.

Отправка масс на культурную периферию — не случайные побочные эффекты новых реалий, которые сформировались в стране после развала СССР в 1991 году. Это сознательная культурная стратегия, по которой массы не должны быть причастными к высокой культуре. Она должна стать закрытым клубом, который может генерировать вовне лишь адаптированные под массы модные тенденции и тренды, в которых закодированы императивы культурных деятелей — элитариев.

Литературный критик Алла Латынина в свое время сформулировала такую культурную политику в стиле «Каждый сверчок знай свой шесток». В

русле извечного противопоставления аристократов и демоса это звучит как «либеральные свободы ведут начало от аристократических привилегий, завоеванных Великой хартией вольности, а не от мощного напора демоса, который временами у нас возникал».

Недаром поборница западных гуманитарных ценностей и коллега Латыниной Наталья Иванова горько сетовала, что спросом плембса пользуется антилиберальный проект. У масс повышенный спрос на «антидемократизм, моральную извращенность, ксенофобию», «фашизированную литературу». Поэтому так необходимо защищать культуру от напора подобной тьмы и варварства. К этому критикесса взывала, когда премию «Русский Букер» взял выпадающий из ее цензурных рамок роман Михаила Елизарова «Библиотекарь».

Все эти высказывания литкритиков можно найти в сборнике 2005 года «Либерализм: взгляд из литературы». Таким образом проводилась четкая линия размежевания. Так самозваная культурная элита очерчивала свою территорию, устанавливала свое культурное приватизационное право.

Согласно установкам либеральной литературной фронды, с государством в сфере культуры возможны только денежные отношения, при которых ничего и никто ему не должен. Ну а низшая каста на то и низшая, чтобы обойтись без серьезных книг. Примерно так (без нас) наши «деятели культуры» хотят существовать и дальше, за стеной, в своей среде мистагогов. Ведь за ее пределами — извечный страх и первобытный ужас.

По мнению прозаика Светланы Алексиевич, в народных массах сидит внутренний зверь или «красный человек». Поэтому они легко клюют на приманки радикализма, от которого проистекает все самое отвратительное от (о ужас!) антидемократизма до ксенофобии. Таким образом общество становится «фашизированным». Чтобы этот радикализм не развился, необходимо отправить «массы» в культурную резервацию, где они будут довольствоваться предложенными им элитариями стеклянными бусами и развеселыми бубенцами. Вот только после 24 февраля подобный культурно-идеологический проект накрылся медным тазом или черным квадратом на аватарках.

Культурные стратеги и практики возопили: «За что боролись?!» — и почувствовали себя проигравшими. Например, об этом в колонке с говорящим названием «Поражение везде» написал основатель литсайта «Горький» Борис Куприянов. А все потому, что те самые массы проявили себя в плане общественно-политического и культурного делания и преодолели рамки установленной для них резервации.

Самозванные «элитарии» почувствовали, что проиграли, потому как ощутили опасность возврата. А все новые реалии и «реформы» в современной России устанавливались и проводились под лозунгом «Лишь бы не было возврата». Ради этого дозволялось все.

Не надо забывать, что именно в СССР широкие народные массы были на самом деле включены в процесс культурного делания. Они выступали в качестве субъекта и объекта культуры, включая литературу. Все было ориентировано на них. Возникал примат культурного равенства.

Такова была культурная политика победивших в 1917 году большевиков. Через ликбез население страны массово обучалось грамоте. В конце 1919

года вышел декрет о ликвидации безграмотности, по которому все население от 8 до 50 лет было обязано пройти обучение грамоте. Научение грамоте шло в первых букварях с фразы: «Мы — не рабы, рабы — не мы». Это к вопросу о так называемой рабской психологии «совка», которой жонглируют многие прогрессивные деятели.

Спустя чуть более 20 лет к началу Великой Войны 1941 года с безграмотностью в СССР было практически покончено. Сбылась мечта Николая Некрасова, и мужик с базара понес Белинского и Гоголя. В противовес этому можно вполне представить, что сказали бы тогда нынешние культурные деятели: «Грамота доступна только 3—4 % — аристократам духа. Так было всегда, и так должно быть впредь. Народ в своей массе должен быть частично образованным. Ему достаточно милорда глупого или “Лета в пионерском галстуке”». Однако то, что происходило в СССР, было вовсе не аномалией, а культурной, просвещенческой, образовательной практикой, подкрепленной национальной традицией тяготения к слову. Практика, входившая в жизнь с лозунгом «Мы — не рабы, рабы — не мы», преодолевала любую кастовость и культурный монополизм.

Так получилось, что сейчас мы вновь должны взять на вооружение этот лозунг, дабы вернуть читателя книге, а книгу читателю. Но чтобы все получилось, должна быть сформулирована четкая государственная культурная политика и практика. Чтобы само государство понимало цели своего существования, видело горизонты своего будущего и знало, для чего ему нужна культура и, в частности, литература.

